

РОССИЯ КАК «СЕВЕР».
МЕТАМОРФОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В XVIII–XIX вв.: Г.Р. ДЕРЖАВИН

А.А. КАРА-МУРЗА

Аннотация

В статье исследуется вопрос о роли крупнейшего русского поэта и государственного деятеля Гавриила Романовича Державина (1743–1816) в развитии идеологической концепции «русского северянства» – богатой «идентификационной матрицы», сыгравшей заметную роль в истории русской философской мысли XVIII–первой трети XIX вв. и отодвинутой на дальний план только в середине XIX в., с началом классического русского противостояния «западников» и «славянофилов» и переориентации поисков русской идентичности по оси «Запад–Восток». Исследуется соотношение между «духовно-поэтическими» и «идеологическими» практиками в творчестве Державина. Проанализированы основные философско-литературные произведения Г.Р. Державина, в которых изложены главные смыслы концепции «русского северянства»: торжественные оды на взятие Очакова (1788), Измаила (1790), победы А.В. Суворова в Италии (1799), изгнание французов из России (1812), а также программные стихотворения «Водопад» (начало 1790-х гг.) и «Снигирь» (1800). Делается вывод о том, что «северные» мотивы Державина были развиты впоследствии в произведениях К.Н. Батюшкова, П.А. Вяземского, А.А. Дельвига, А.С. Пушкина.

Ключевые слова: история России, национальная идентичность, идеология, «русское северянство», западничество, культура, литература.

Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии Российской Академии наук, руководитель сектора философии российской истории ИФРАН.

a-kara-murza@yandex.ru

Цитирование: КАРА-МУРЗА А.А. (2017) Россия как «Север». Мета-морфозы национальной идентичности в XVIII–XIX вв.: Г.Р. Державин // Философские науки. 2017. № 8. С. 121–134.

Идеи «русского Севера», мерцавшие в причудливой амальгаме отечественного самосознания в течение нескольких веков, обрели новый смысл в эпоху Петра Великого прежде всего в связи с выдвиганием России к северным морям и переносом национального центра в Санкт-Петербург. Концепция «третьего и последнего Рима», тесно связанная с древней Москвой как конечным пунктом уединения и

спасения «истинной веры», уступила место идее державной Империи, вольно и энергично распространяющейся вширь из новой столицы на Балтике, которую западные наблюдатели поспешили назвать «Северной Пальмирой».

В XVIII в. просвещенная Европа, не решаясь отказать набиравшей силу России в ее «европейскости» [Кара-Мурза 1993, 90–96; Жукова 2014, 103–115], упрямо указывала одновременно и на ее «северянство». «Северной Семирамидой», по аналогии с предприимчивой и воинственной ассирийской царицей, ставшей основательницей Вавилона, называл императрицу Елизавету Петровну прусский король Фридрих Великий. Точно так же: «Semiramis du Nord» – величал императрицу Екатерину Алексеевну в своих письмах Вольтер. А в 1794 г., в стихотворении «Водопад», Г.Р. Державин уподобил Екатерину II «Северной Минерве» – уже не просто удачливой правительнице, но и символу мудрости и обережения культуры.

На представленной в Третьяковской галерее картине итальянца Сальваторе Тончи, русский литератор Гавриил Романович Державин (1743–1816) изображен на фоне северного пейзажа в богатой собольей шубе и шапке. Под портретом, на диком камне, художник разместил латинское двустишие: «Правосудие изображено в виде скалы, пророческий дух – в румянном восходе, а сердце и честность – в белизне снега» [Державин 1865, 397–404].

Картина Тончи (1801), украсившая сначала столовую дома Державиных на Фонтанке (1), поразила воображение юного князя П.А. Вяземского, который, несколько лет спустя, в статье «О Державине», написанной на смерть любимого поэта, отметит: «Образ Державина, сей образ, озаренный пламенником гения, сохранен нам знаменитым живописцем Тончи. Живописец-поэт изловил и, если смею сказать, приковал к холсту божественные искры вдохновения, сияющие на пиитическом лице северного барда... Картина, изображающая Державина в царстве зимы, останется навсегда драгоценным памятником как для искусства, так и для ближних, оплакивающих великого и добродушного старца» [Вяземский 1878, 20]. Действительно, портрет «северного барда» Державина работы Сальваторе Тончи станет одним из символов отечественной словесности конца XVIII–начала XIX вв.

Представления об историческом происхождении и пути России были у Г.Р. Державина довольно своеобразными. Он полагал, например, что «россияне» явились результатом многовекового сожительства и синтеза двух общностей – «финнов» и «гуннов»: «Финны и Гунны – северные и восточные главные народы, из коих Россия составила. Первые, рыжеволосые, питались разбоем по Варяжскому и Балтийскому морю; вторые, узкоглазые, скитались по степям, не имели хле-

бопашества, кроме скотоводства; но после, под правлением России, учинились пахарями» [Державин 1866, 612]. Свой собственный род Державин относил к осевшим кочевникам-«гуннам» и считал себя потомком татарского мурзы Багрима, перешедшего в XV г. в подданство Великого московского князя-рюриковича (т.е. «финна») Василия Васильевича Темного (2).

Парадокс литературного творчества Державина, развивавшегося параллельно с его не всегда гладко складывавшейся служебной карьерой, состоял в том, что его первые литературные успехи стали продуктом писательской стилизации вовсе не под парадигму «русского северянства» (условно говоря, — «финнско-варяжскую»), а ровно наоборот — под более органичную, как он считал, для него идею «юго-восточную», выражаясь словами самого Державина — «гуннскую».

Речь идет, в первую очередь, о знаменитой державинской оде «Фелица» (1782), в которой автор представил государыню Екатерину — мудрой «киргиз-кайсацкой царевной», а самого себя — верноподанным и проныцательным советником, «мурзой Багримом». Судя по воспоминаниям княгини Е.Р. Дашковой, которая, с некоторым риском для себя, опубликовала державинскую оду в «Собеседнике любителей русского слова», Екатерина с благодарностью приняла эту «восточную игру» («откуда он меня так хорошо знает?» — прослезившись, восклицала она, в очередной раз перечитывая оду Державина), а потом щедро одарила автора золотой, инкрустированной бриллиантами и набитой червонцами, табакеркой с припиской: «Из Оренбурга от Киргизской Царевны мурзе Державину» [Державин 1871, 555].

Однако «восточная идиллия» между «царевной» и «мурзой-поэтом» длилась недолго. Державин, всерьез рассчитывавший тогда получить губернаторство над родной и хорошо ему знакомой Казанской губернией, получил в итоге назначение на крайний север — губернатором вновь создаваемой Олонецкой губернии с центром в Петрозаводске (3). Месяцы пребывания на реальном Севере, поездки чиновника-поэта в отдаленные углы вверенных ему приполярных земель (4), несомненно, повлияли на дальнейшее творчество Державина (5).

Как бы там ни было, с конца 1780-х гг. Державин — уже верный апологет новой, и ранее непривычной для себя, идентификационной матрицы «русского северянства», которую он не устанет теперь варьировать в своих стихотворных сочинениях. Именно в поэзии Державина идея «северянства», как самобытного образа русской идентичности, начинает кристаллизоваться сначала в придворной поэзии, а затем и в державной идеологии (6).

Разворот Державина в сторону «русского северянства» произошел в значительной мере под влиянием «нордических» предпочтений самой императрицы Екатерины II, увлеченной опытом историко-художественных реконструкций «времен Рюрика» [Моисеева 1974].

Вошла тогда в моду в России и «северная поэзия» древнего ирландского барда Оссиана — через ее литературные переложения шотландцем Джеймсом Макферсоном в удачном русском переводе Ермила Кострова. Привычным «наставником» отечественных литераторов в познании «северной мифологии» (не только Державина, но, к примеру, и Н.М. Карамзина) продолжал оставаться в те годы популярный в России немецкий поэт Фридрих Готлиб Клопшток. Известно также, что Державин любил иметь под рукой перевод двухтомного «Введения в историю Дании» швейцарского историка Поля Анри Малле (7).

В самом конце 1788 г., во время очередной русско-турецкой войны, Державин, в то время тамбовский губернатор, написал оду «Осень во время осады Очакова», где впервые использовал художественный мотив «всепобеждающей зимы» — «седой чародейки», естественным образом выступающей в сражениях на стороне северян-россов. Безуспешно осаждаемая всю осень 1788 г. войсками князя Г.А. Потемкина турецкая крепость Очаков пала только с приходом настоящих морозов, 6 декабря, в день святого Николая Чудотворца, и явно с помощью высших сил и покровительствуемой ими «северной богини-императрицы»:

Борей на Осень хмурит брови
И Зиму с севера зовет,
Идет седая чародейка (8),
Косматым машет рукавом;
И снег, и мраз, и иней сыплет
И воды претворяет в льды;
От хладного ее дыханья
Природы взор оцепенел.
.....
Российский только Марс, Потемкин
Не ужасается зимы...
.....
Мужайтесь, росски Ахиллесы,
Богини Северной сыны!

[Державин 1864, 225–227]

А в начале 1791 г. Г.Р. Державин закончил оду «На взятие Измаила», посвященную успешному штурму 11 декабря 1790 г. русскими войсками, казалось, неприступной турецкой крепости на Дунае. Штурм русскими Измаила поэт уподобил весеннему разливу мощной реки, питаемой снегами Севера, а русских солдат — «рожденным под зимними снегами» богатырям:

Как воды, с гор весной в долину
Низвержась, пенятся, ревут,
Волнами, льдом трясут плотину,
К твердыням россы так текут.

.....

В зиме рождены под снегами,
Под молниями, под громами,
Которых с самых юных дней
Питала слава, верность, вера, —
Где можно вам сыскать примера?

[Державин 1864, 343, 347]

В центре державинской оды — в очередной раз образ победоносной «северной царицы» (*«великим равная мужам»*) (10), которая вновь, как в древние времена Олега и Ольги, «сыплет северны блестки на Босфор»:

Уже от северного света
Лицо бледнеет Магомета,
И мрачный отвратил он взор.

.....

Поникли гордой Мекки брови;
Стамбул склонился вниз челом...

[Державин 1864, 349, 355–356]

Весьма показательна в этой связи художественная заставка, приложенная к первому изданию державинского «На взятие Измаила», иллюстрирующая начальные строфы стихотворения (*«Везувий пламя изрыгает, Столп огненный во тьме стоит...»*): на ней изображен «огнедышащий Везувий, против которого бесстрашно идет с примкнутым штыком российский гренадер, повалив за собой столбы Геркулесовы» [Державин 1864, 337]. Эта картинка наглядно демонстрирует, что потаенный смысл державинской оды был намного глубже прославления конкретной победы русских над турками: взятие Измаила мыслилось чуть ли не победой «Севера» над всем метафизическим «Югом», одним из символов которого в отечественном сознании многие годы был «огнедышащий» на далеких берегах Неаполитанского залива грозный Везувий [Кара-Мурза 2004, 9–24].

В начале 1790-х гг. Державин написал одно из самых знаменитых своих стихотворений — «Водопад», которое принято связывать с кончиной в октябре 1791 г. князя Г.А. Потемкина. Между тем в «Записках» известного литератора И.И. Дмитриева говорится о том, что Державин начал работу над «Водопадом» задолго до смерти Потемкина [Дмитриев 1893, 36]. Кроме того, имеется свидетельство самого Державина

о том, что у «его» водопада есть реальный природный прототип, который автор имел возможность видеть летом 1785 г. во время своего губернаторства на Севере: «Сим описывается точное изображение водопада в Олонецкой губернии, Кивачем называемого» (9).

Стоит добавить, что во времена Державина конкуренцию олонечному Кивачу в Европе мог составить разве что знаменитый Рейнский водопад недалеко от швейцарского городка Шаффхаузена. В 1790-х гг. его литературно-философское описание стало широко известным русскому читателю, благодаря «Письмам русского путешественника» Н.М. Карамзина [Кара-Мурза 2016, 48–53].

Как бы там ни было, в екатерининские и последующие годы образ державинского «Водопада» стал символом несокрушимости северной цивилизации, с абсолютной мощью которой, как с «Левиафаном» Гоббса, вынуждены примиряться любые природные и человеческие явления:

О водопад! в твоём жерле
Всё утопает в бездне, в мгле!
.....
Сковать ли воду льды дерзают? —
Как пыль стеклына ниспадают.
.....
Не жизнь ли человек нам
Сей водопад изображает? —
Он так же блеском струй своих
Поит надменных, кротких, злых

[Державин 1864, 460, 463].

Единственная сила, которая, согласно Державину, является безусловно *первичной* по отношению к порожденному ей «водопаду», — это полубожественная «*водопадов мать*», под которой автор, разумеется, имеет в виду императрицу Екатерину, которая напоминает автору бурную северную реку Суну, впадающую в Онежское озеро: «Относится сие к императрице, которая делала водопады, то есть сильных людей, и блистала чрез них военными делами, или победами» [Державин 1865, 37].

И ты, о водопадов мать!
Река на севере гремеща,
О Суна! коль с высот блистать
Ты можешь — и, от зарь горяща,
Кипишь и сеешь дождем
Сапфирным, пурпурным огнем...

[Державин 1864, 487].

Особую роль в развитии Державиным идей «русского северянства» сыграл его одический цикл, посвященный победным походам Александра Васильевича Суворова (11). Державин и Суворов были знакомы еще с осени 1774 г., когда вместе преследовали в Яицких степях уже обреченного на поражение «самозванца» Емельяна Пугачева. Но, как установил биограф Державина, академик Я.К. Грот, в товарищеских отношениях, оказывается, были еще их отцы, служившие одно время рядом, — генерал Василий Иванович Суворов и отставленный полковником Роман Николаевич Державин [Грот 1880, 31].

В начале мая 1799 г. Г.Р. Державин написал в Санкт-Петербурге оду «На победы в Италии графом Суворовым-Рымникским французов», начатую им еще в апреле при получении первых известий об успехах А.В. Суворова в Северной Италии и взятии ведомыми им русско-австрийскими войсками Брешии, Бергамо, а после победы в середине апреля на реке Адда и взятия Милана, повлекшими за собой крах наполеоновской «Цезальпинской республики».

В первом издании оды «На победы в Италии» есть прямое авторское указание на то, что живописуя победы друга-Суворова, он поставил целью сравнить новейшие победы «героя-росса» с древними подвигами легендарного Рюрика во Франции: «Ода сия основана на древнем северных народов баснословии. Валка — небесная дева. Барды — певцы богов и героев. Валкал — рай храбрых. По истории известно, что Рюрик завоевал Нант, Бордо, Тур, Лимузен, Орлеан и по Сене был под Парижем» [Державин 1864, 271].

Ударь во серебряный, священный,
Далеко-звонкий, Валка! щит,
Да гром твой, эхом повторенный,
В жилище бардов восшумит.

.....

Так он! — Се Рюрик торжествует
В Валкале звук своих побед
И перстом долу показывает
На росса, что по нем идет.
Се мой, — гласит он, — воевода!
Воспитанный в огнях, во льдах,
Вождь бурь полночного народа...

[Державин 1864, 270–273].

А в сентябре 1799 г., находясь при дворе императора Павла I в Гатчине, Державин узнал о новых подвигах Суворова — его стремительном броске от итальянской Белинцоны к горному перевалу Сен-Готард и уникальном по отваге переходе через Альпы в Швейцарию — и написал оду «На переход Альпийских гор» в духе «северной» поэзии Оссиана:

Чрез неприступны переправы
На высоте ты новой славы
Явился, северный Орел!
Но что, не дух ли Оссиана
Певца туманов и морей,
Мне кажет под луной Морана (варяжского героя. — А. К.)
Как шел он на царя царей (Наполеона. — А. К.)

[Державин 1864, 278].

Когда 6 мая 1800 г. А.В. Суворов скончался в Петербурге, в доме на Крюковом канале, у своего родственника, поэта и сановника Д.И. Хвостова, Державин, бывший до последних мгновений при кончине друга, написал еще одно знаменитое стихотворение — «Снигирь», где уподобил покойного героя-полководца маленькой северной птахе — народной любимице. Об обстоятельствах написания этого поэтического шедевра, где «северный Снигирь» образно противопоставит «африканской Гиене», под которой имелась в виду коварная наполеоновская Франция, Державин вспоминал так: «У автора в клетке был снигирь, выученный петь одно колено военного марша; когда автор по преставлении сего героя (Суворова. — А. К.) возвратился в дом, то, услыша, что сия птичка поет военную песнь, написал сию оду в память столь славного мужа» [Державин 1866, 677; Ларкович 2010]. «С кем мы пойдем войной на Гиену?», — тревожно вопрошает в поминальной оде Державин и печально констатирует: идти на «южных варваров» теперь не с кем — «северны громы в гробе лежат...».

Что ты заводишь песню военную
Флейте подобно, милый снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат

[Державин 1865, 344].

В июне 1810 г. Державин, уже находясь в отставке и проживая в своем новгородском имении Званка на берегу Волхова, стал свидетелем проезда по реке из Твери в Петербург сестры императора Александра, великой княгини Екатерины Павловны и ее мужа, принца Георгия Ольденбургского — генерал-губернатора новгородского, тверского и ярославского. Это запоминающее зрелище стало поводом к написанию Державиным «Шествия по Волхову российской Амфитриты», в котором автор уподобил увиденную процессию приключениям первых русских юриковичей: «Прекраса перевозит в Выбутск Игоря в ладье» (12).

Не мог не отозваться в тот момент престарелый Державин и на злободневные политические новости. Как известно, в начале 1810 г., во время очередной турецкой кампании, новым главнокомандующим русской армией, после затяжной осады Силистрии, был назначен граф Николай Михайлович Каменский (сын недавно умершего фельдмаршала М.Ф. Каменского), уже прославившийся победами в Пруссии и Финляндии. В «Шествии по Волхову» Державин поэтически называет молодого Каменского «северным Фениксом» («*восставшим из праха отча*»), назначенного на свой высокий пост «царем Норда» (императором Александром) — на счастье Петербургу («*Парнасу меж льдов*») и на погибель «Стамбулу», а заодно и всей «магометанской Азии»:

Феникс сей, из праха отча
Встав, парит во звездный круг
Гордость, зависть, злоба, молча
В нем признав воинский дух,
Защищать Стамбул престанут,
В Азию Магмет уйдет.
Вновь Эллады лиры грянут,
И почтит тогда весь свет
Александра алтарями.
Но доколе совершится
Древний сей пророчий глас,
Норда царь тем веселится,
Что меж льдов растет Парнас

[Державин 1865, 40–41].

Апофеозом «северянской» одической поэзии Г.Р. Державина стал, конечно же, его «Гимн лироэпический на прогнание французов из отечества», написанный почти семидесятилетним поэтом осенью 1812 г., после решительного перелома в ходе Отечественной войны. Взяв за основу тему из Апокалипсиса: «*Змей с агнцем брань сотворят, и агнец победит его*» (гл. 17, ст. 14), Державин изобразил «князем тьмы» — Наполеона, а в образе «белорунного агнца» представил Александра I, вступившего на «северный» престол, как известно, под знаком Овна:

И движут ось вся вселены.
Бегут все смертные смятенны
От князя тьмы и крокодильных стад.
Они ревут, свистят и всех страшат;
А только агнец белорунный,
Смиранный, кроткий, но челоперунный,
Восстал на Севере один, —
Исчез змей — исполин!

[Державин 1865, 140].

«Нордические ветры», согласно с Державину, в очередной раз оказались могущественнее «южного Афра»:

Или аспид, лютый змей,
Бежит так с пол, коль Север дует
И Афра за собою чует...

[Державин 1865, 149].

И «Север» вновь, как и в легендарные времена Рюрика, посрамил «Новый Вавилон» – Париж:

О новый Вавилон, Париж!

.....

Ты мнил попать нас и мечом,
Забыв, что северные силы
Всегда на Запад ужас наносили;
Где ж мамелюк твой, где элит?
О вечный Сене стыд!

[Державин 1865, 153–154; Коровин 2012].

Когда 8 июля 1816 г. Гавриил Романович Державин скончался в своем имении Званка и был похоронен в Спасо-Преображенском соборе Варлаамо-Хутынского монастыря близ Великого Новгорода, посеянные им в русской поэзии семена «русского северянства» уже начали давать первые всходы – в творчестве К.Н. Батюшкова, князя П.А. Вяземского, барона А.А. Дельвига, молодого А.С. Пушкина. Эстафету глубоких размышлений о «северянской» идентичности России было кому продолжить.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) На самом деле Сальваторе Тончи нарисовал в 1801 г. два портрета Державина, и этому предшествовала любопытная история. Поклонник поэта из далекого Иркутска, купец-золотопромышленник и городской голова М.В. Сибиряков, преподнес в подарок Державину роскошные шубу и шапку из баргузинского соболя. Тогда-то, по заказу поэта, Тончи и нарисовал его «зимний образ»: изобразив его, как того хотел сам Державин, в сибирских дарах на снегу, у дикой скалы. Один портрет из дома на Фонтанке был в итоге передан наследниками поэта в Третьяковскую галерею. Другой был подарен Державиным купцу Сибирякову и оказался в Иркутске. В 1870-х гг. на иркутской картине по заказу местного губернатора ссыльный поляк Вронский талантливо изобразил на дальнем плане вид зимнего Иркутска; сейчас эта картина находится в местной художественной галерее.

(2) Биограф Державина, академик Я.К. Грот, пишет: «Происхождение Державина от мурзы Багрима, которое льстило его воображению и доставляло ему любимую поэтическую прикрасу, подтверждается семей-

ными документами. Они содержат сведения, что этот мурза, в княжение Василия Васильевича Темного, в XV столетии, выехал из Большой орды служить на Руси, был крещен самим великим князем и при этом получил имя Ильи. Ему пожалованы были вотчины в нынешних Владимирской, Новгородской и Нижегородской губерниях. От сыновей его произошли Нарбековы, Акинфовы, Кеглевы; у Дмитрия Ильича Нарбекова был, в числе других детей, сын *Держава*, начавший службу в Казани. Так возник род Державиных» [Грот 1880, 19].

(3) Возможно, в назначении «мурзы Державина» на крайний север сказала не раз отмеченный в литературе своеобразный юмор императрицы Екатерины II. Как бы там ни было, сам Державин постарался принять неожиданное и разочаровывающее назначение предельно спокойно: «Вдруг получил из Царского Села через графа Безбородку известие, что Государыня назначает губернатором в Олонец. . . Будучи у Императрицы в хорошем мнении, неблагоприятно бы было не согласиться на ее волю» [Державин 1871, 559]. Я.К. Грот в своей «Биографии» Державина также пишет максимально аккуратно: «Державин был не совсем доволен доставшейся ему губернией. . .» [Грот 1880, 359].

(4) В мемуарных «Записках», Державин вспоминал, что, объезжая Олонецкий край, он проделал не менее полутора тысяч верст: «То верхом, на крестьянских лошадях по горам и топям, то в челночках по озерам и рекам, где не только суда, но и порядочные лодки проезжать не могут» [Державин 1871, 571].

(5) Пробуя Державина на административной должности, Екатерина, разумеется, не забыла создать ему естественный противовес, подчинив «наместнику» в Олонецкой и Архангельской губерниях, опытному чиновнику, а в прошлом боевому генералу Тимофею Ивановичу Тутолмину. В литературе о Державине принято во всех его последующих конфликтах с Тутолминым брать сторону «просвещенного и честного» Гавриила Романовича, а Тутолмина снисходительно называть в лучшем случае «ограниченным и высокомерным служакой», что, конечно, не вполне справедливо.

(6) Подробнее о механизмах «затвердевания» литературных и философских идей в России в «идеологии», в том числе «государственные», см.: [Кара-Мурза 2012; Жукова 2013]

(7) П.-А. Малле был верным последователем Шарля Луи Монтескье, и его «северянство» основывалось на высказанном знаменитым философом в «Духе законов» убеждении о происхождении свободы и других человеческих добродетелей «из лесов Севера». Сам Малле полагал, что, хотя изначальный **монотеизм** доисторических времен нигде не сохранился в чистоте, но большинство своих следов он оставил именно на Севере, где «природа умеряет страсти». Великая княгиня, а затем императрица Екатерина Алексеевна была большой поклонницей книги Малле «Памятники мифологии и поэзии кельтов, в особенности древних скандинавов» (1756) и одно время предлагала, правда, безуспешно, женевскому профессору стать воспитателем ее сына, цесаревича Павла Петровича.

(8) Ср. со строфой из седьмой главы пушкинского «Евгения Онегина»: «... и вот сама идет волшебница зима».

(9) Державин вспоминал в «Записках»: «Ода сия не токмо Императрице, ее любимцу (графу Платону Zubову. – А. К.), но и всем понравилась;

следствием сего было то, что он получил в подарок от Государыни богатую, осыпанную бриллиантами табакерку, и был принимаем при дворе еще милостивее» [Державин 1871, 613–614].

(10) В «Поденной записке», которую Державин вел во время обозрения «своей» губернии, имеется запись от 20 июля 1785 г.: «Сев на лодки, поехали по реке Суне к порогу, именующимся Кивачем... Дикость положения берегов и беспрестанные видов перемены ежечасно упражняют взор... В версте от порогов показался в правом боку дым, который по мере приближения сгущался. Наконец, пристав и взошел на гору, увидели мы пороги сии. Между страшными крутизнами черных гор, состоящих из темного крупнозернистого кнейса, находится жерло глубиною до 8-ми сажен; в оное с гор, лежащих к востоку и полудню (югу. – А. К.), падает с великим шумом вода, при падении разбивается на мелкие брызги, наподобие рассыпанной во множестве муки. Пары, столбом восстающие, досягают до вершин двадцатипятисаженных сосен и оные омочают... Чернота гор и седина бьющей с шумом и пенящейся воды наводят некий приятный ужас и представляют прекрасное зрелище» [Державин 1864, 458].

(11) При жизни князя Потемкина, который ему симпатизировал, Державин, как мы знаем, не решался славословить персонально Суворова, хотя хорошо знал, что именно тот явился «истинным сокрушителем Измаила» в декабре 1790 г. [Державин 1871, 617]. Как известно, за штурм Измаила Суворов рассчитывал получить от императрицы чин генерал-фельдмаршала, но Потемкин предложил наградить его медалью и чином гвардии подполковника Преображенского полка. Сам же главнокомандующий Потемкин, приехав в Петербург, получил в награду шитый алмазами фельдмаршальский мундир ценою в 200 тысяч рублей и Таврический дворец в придачу.

(12) По преданию, великая княгиня Ольга жила раньше в Выбутской веси близ Пскова и была перевозчицей. Под именем Прекрасы она является и в драматическом сочинении Екатерины II «Начальное управление Олега» [Державин 1866, 37–38].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Вяземский 1878 – Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. Т. I. – СПб.: тип М.М. Стасюлевича, 1878.

Грот 1880 – *Грот Я.* Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам, описанная Я. Гротом. – СПб.: тип. имп. Академии наук, 1880.

Державин 1864 – Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. В 9 т. Т. I. – СПб.: тип. имп. Академии наук, 1864.

Державин 1865 – Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. В 9 т. Т. II. – СПб.: тип. имп. Академии наук, 1865.

Державин 1866 – Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. В 9 т. Т. III. – СПб.: тип. имп. Академии наук, 1866.

Державин 1869 – Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. В 9 т. Т. VI. – СПб.: тип. имп. Академии наук, 1869.

Дмитриев – *Дмитриев И.И.* Сочинения / ред. А.А. Флоридова. Т. 2. – СПб., 1893.

Жукова 2013 – Жукова О.А. Субкультура власти и социальный порядок в России // Полис. Политические исследования. 2013. № 2. С. 179–188.

Жукова 2014 – Жукова О.А. К интеллектуальной истории русского европеизма // Философские науки. 2014. № 1. С. 103–115.

Кара-Мурза 1993 – Кара-Мурза А.А. Что такое российское западничество? // Полис. Политические исследования. 1993. № 2. С. 90–96.

Кара-Мурза 2002 – Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Неаполе // Независимая газета. 2002.

Кара-Мурза 2006 – Кара-Мурза А.А. Интеллектуальные портреты. Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. – М.: Институт философии РАН.

Кара-Мурза 2012 – Кара-Мурза А.А. Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст // Философский журнал. 2012. № 2 (9). С. 27–44.

Кара-Мурза 2016 – Кара-Мурза А.А. Швейцарские странствия Николая Карамзина 1789–1790 гг. – М.: Аквилон, 2016.

Коровин 2012 – Коровин В.Л. Державин и 1812 год: о смысле и композиции «Гимна лироэпического на прогнание французов из Отечества» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 71. № 6. С. 42–52.

Ларкович 2010 – Ларкович Д.В. Державин и Суворов: творческое взаимодействие автора и героя // Русская литература. 2010. № 4. С. 62–72.

Моисеева 1974 – Моисеева Г.Н. Древнерусские литературные памятники в исторических драмах Екатерины II // Труды Отдела древнерусской литературы. Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Т. XXVIII. – Л., 1974. С. 89–95.

THE RUSSIAN “NORTH”. METAMORPHOSES OF NATIONAL IDENTITY IN THE LATE 18th–EARLY 19th CENTURIES: G.R. DERZHAVIN

A.A. KARA-MURZA

Summary

The article explores the question of the role of the poet and state-man Gavrili Romanovitch Derzhavin (1743–1816) in the development of the concept of “Russian Northernship” – a rich “identification matrix”, which played a big role in the philosophical and ideological thought of the 18th and the first third of 19th centuries and pushed back into the distance in the middle of the 19th century, with the beginning of the “classical” Russian dispute between “Westerners” and “Slavophiles” and reorientation searches of Russian identity on the axis East – West. The article analyzes the ratio between “spiritual poetry” and “ideological” practices in the work of Derzhavin. The author explores the major philosophical and literary works of Derzhavin, which sets out the main meanings of the concept “Russian Northernship”: solemn Odes on the capture of Ochakov (1788), Izmail (1790), Alexander Suvorov victories in Italy (1799), the expulsion of the French from Russia (1812), and the programmatic poem “Waterfall” (early 1790s) and “Snigir” (1800). Author concluded that it is “Northern”

motive of Derzhavin which was developed later in the works of K.N. Batyushkov, P.A. Vyazemsky, A.A. Delvig and A.S. Pushkin.

Keywords: Russian history, national identity, ideology, “Russian Northernship”, Westernism, culture, literature.

Kara-Murza, Alexei – D.Sc. in Philosophy, Professor, Main Research Fellow, Head of Department of Philosophy of Russian History, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

a-kara-murza@yandex.ru

Citation: KARA-MURZA A.A. (2017) The Russian “North”. Metamorphoses of National Identity in the Late 18th – Early 19th Centuries: G.R. Derzhavin. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 7, pp. 121-134.

REFERENCES

Derzhavin (1863-1883) Derzhavin works with explanatory notes by J. Groth. In 9 Volumes. Saint Petersburg, Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Groth J. (1880) *Life of Derzhavin in His Writings and Letters and Other Historical Documents*. Saint Petersburg, Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Kara-Murza A.A. (1993) What is Russian Westernism? In: *Polis. Political Studies*. 1993. Vol. 2, pp. 90-96 (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2002) *Famous Russians on Naples*. Nezavisimaya Gazeta Publ., Moscow (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2006) *Intellectual Portraits. Essays on Russian Political Thinkers of XIX–XX centuries*. Moscow, Institute of Philosophy Russian Academy of Science (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2012) How do the Ideas Turn into Ideologies: the Russian Context. In: *Philosophical Journal*. 2012. Vol. 2 (9), pp. 27-44 (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2016) The Swiss Journey of Nikolai Karamzin (1789-1790). Akvilon Publ., Moscow (in Russian).

Korovin V.L. (2012) Derzhavin and 1812. In: *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. Series of Literature and Language. Vol. 71. No 6, pp. 42-52 (in Russian).

Larkovich D.V. (2010) Derzhavin and Suvorov: the Creative Interaction Between the Author and the Hero. In: *Russian Literature*. 2010. Vol. 4, pp. 62-72 (in Russian).

Moiseeva G.N. (1974) The old Russian Literary Monuments in the Historical Drama of Catherine II. In: *Proceedings of the Department of old Russian literature*. The Institute of Russian Literature of the USSR (Pushkin House). Vol. XXVIII. Leningrad, pp. 89-95 (in Russian).

Vyazemsky P.A. (1878) Complete Works. Vol. 1. Stasulewitsch Publ., Saint Petersburg (in Russian).

Zhukova O.A. (2013) Subculture of Power and Social Order in Russia. In: *Polis. Political studies*. 2013. Vol. 2, pp. 179-188 (in Russian).

Zhukova O.A. (2016) To the Intellectual History of Russian Europeanism. In: *Philosophical Sciences*. 2014. Vol. 1, pp. 103-115 (in Russian).